

Глава первая: Высокомерный молодой господин в гневе покидает город Цзиньлин, наивный воин отправляется в Цзяннань.

—

— Линь Лан, ты что, опять играешься с птицей!

Разъярённый господин Линь обошёл ширму из ивового дерева с резными узорами и остановился перед письменным столом:

— Что ты прячешь руки под столом? Скажи, ты ведь опять играешься с птицей!

— Нет! — Линь Лан наотрез отказался, вытащил руки из-под стола и поднял их над головой, пытаясь доказать свою невиновность. В это мгновение из его рукава выпорхнул пёстрый попугай, который приземлился на птичий насест с изображением животных рядом со столом, заставив серебряный колокольчик на нем звонко задребезжать.

Линь Лан смутился, будучи преданным своим питомцем.

— Шунь-эр! Где Шунь-эр! — Господин Линь со всей силы стукнул по столу веером. Его усы зашевелились от гнева, и он собрался найти маленького слугу-компаньона Линь Лана, чтобы наказать его. — Я велел тебе присматривать за учёбой молодого господина, куда ты подевался?

Шунь-эр, который крепко спал во внутренней комнате, проснулся от шума, тут же выбежал, держа руки полусогнутыми, и рухнул на колени. Задышавшись, он пронзительно заплакал:

— Го-о-осподи-и-ин! Это всё моя вина, Шунь-эр не смог как следует присмотреть за тем, как молодой господин учится! Я так сожалею об этом! Прошу, накажите Шунь-эра по всей строгости...

После этого он без движения рухнул на пол, без движения, будто потеряв сознание.

Перед лицом этой внезапной, но уже привычной сцены господин Линь на мгновение растерялся.

Линь Лан почувствовал, как у него на висках выступило три-четыре капли пота. Он только и смог, что подмигнуть другим слугам, приказывая «Уведите его, уведите...», а затем повернулся к отцу с натянутой улыбкой, объясняя:

— Этот Шунь-эр — бывший маленький актёр из оперной труппы, он очень драматичен, очень драматичен...

— Послезавтра, двадцать восьмого числа девятого месяца, провинциальный экзамен, ты всё выучил? — Не ожидая от непутёвого сына никакого удовлетворительного ответа, господин Линь начал жалобно причитать, — Посмотри на своё окружение... одни никчёмные люди! Вместо того чтобы следить за твоей учёбой, они только и знают, что подначивают тебя к праздному веселью и пирам! Твоя мать на небесах, глядя на это, готова расплакаться!

— Моя мать не сердится.

Линь Лан глубоко и расслабленно вздохнул, свернул в беспорядке разложенные на столе «Четыре книги и Пять канонов», откинулся на инкрустированное нефритом кресло из красного дерева и, массируя затекшие плечи, сказал:

— Этого Шунь-эра в своё время сама мать купила в качестве слуги. К тому же... мать, когда была жива, говорила: она желает мне только одного — чтобы я жил счастливо и по своим собственным убеждениям...

Господин Линь, которому сын возразил, пришёл в ярость:

— Твои убеждения? Что за убеждения могут быть у маленького сопляка! Я спрашиваю тебя, почему вчера, когда я устроил тебе обед с дочерью инспектора Хуа, ты посредине сослался на нужду и больше не вернулся? Как ты думаешь, в какое неловкое положение ты поставил отца перед ними? Что всё это значит?!

— Отец... я пока не хочу жениться. К тому же, молодая госпожа Хуа, конечно, на меня не взглянет!

— Ты даже знаешь, что она на тебя не взглянет! — Господин Линь, сожалея о его непутёвости, сказал: — Ты хоть знаешь, сколько денег твой отец потратил, чтобы организовать этот банкет, а ты взял и сбежал!

— Хватит, отец! Я всё равно не женюсь на ней — и не буду чиновником! — Линь Лан сидел небрежно, и в запале разговора даже закинул ноги на письменный стол, покачиваясь, стал хвалить себя. — Я же ходил по Шелковому пути! Такой богатый коммерческий опыт нужно использовать для того, чтобы унаследовать твоё дело и разделить твои заботы... Быть чиновником — это такая трата времени!

— Среди учёных, земледельцев, ремесленников и торговцев торговцы всегда были самыми низшими! — Господин Линь закашлялся от гнева. — Зря я тогда разрешил тебе с твоим дядей отправиться на этот Шелковый путь, ты только набрался западных чертей! Семья Хуа — столпы государства при дворе, если бы мы смогли породниться с ними...

— Перестань!

Только тут Линь Лан по-настоящему рассердился:

— Если ты хочешь породниться, то сам и женись, сам и иди в чиновники! У меня своя жизнь, не навязывай мне свои пустые амбиции!

Этот выпад надолго лишил господина Линя дара речи. Он какое-то время бормотал «ты», а потом его взгляд потускнел. Даже его окрик ослаб на несколько пунктов, и он, будто бормоча про себя, выругался: «Невоспитанный негодяй», но больше не знал, что сказать.

Старик повернулся, и только переступив порог, будто очнулся, и громко крикнул в комнату:

— Или делай, как я сказал! Или не ешь ни куска риса в моей семье Линь, собирай вещи и проваливай из усадьбы Линь!

Имея гордость, Линь Лан дождался полуночи, когда услышал тихий, писклявый зов Шунь-эра из-за окна:

— Молодой господин... молодой господин...

Открыв окно, он увидел Шунь-эра, который нёс еду. Линь Лан, потирая голодный живот, прошептал:

— Быстро, заходи, заходи.

— Господин слишком жесток... он даже лишил молодого господина еды! — В тусклом свете лампы Шунь-эр заплакал, его густые румяна ярко блестели. — Если уж совсем невмоготу... молодой господин... может, вы всё-таки женитесь на молодой госпоже Хуа!

Линь Лан, жадно жуя, ответил:

— Нельзя.

— Молодой господин... — Шунь-эр достал расшитый платок и, словно боясь размазать макияж, слегка приложил его, вытирая слёзы. — Шунь-эр знает, что молодой господин не хочет жениться, потому что жалеет меня. Боится, что будущая госпожа будет издеваться надо мной, бить меня, отравит меня... Шунь-эр тоже не хочет расставаться с молодым господином, но...

— Стой, стой, стой... — Линь Лан вовремя прервал импровизацию Шунь-эра. — Что за чушь ты несёшь?

Шунь-эр, обливаясь слезами:

— В операх так поют — вы слышали о «Стеклянном кубке»?» Когда Линь Лан покачал головой, Шунь-эр объяснил: — Там рассказывается о том, как господин женился, но эта ядовитая женщина из зависти к любви господина к его служанке, в конце концов убила её... Самая печальная часть — это ария служанки после того, как она выпила яд. Шунь-эр споёт её вам... Кхе-кхе — Холодная луна в ясную осень, увядшие хризантемы, всё ушло с холодной рекой на восток... У-у-у...

Линь Лан поспешно закрыл рот Шунь-эру, который уже сбился с ноты, плача:

— Хватит, хватит.

Кое-как успокоив этого чудака, Линь Лан похлопал себя по наевшемуся животу и откинулся на кровать:

— Плащ, который мать сшила мне своими руками — тот, красный парчовый — ты хорошо спрятал?

— Он в шкафу, на верхней полке — зачем вы спрашиваете?

— Ничего, соскучился по маме... — Линь Лан закатил глаза, раздумывая: не раскроется ли его замысел, если продолжить расспросы? Но, немного поколебавшись, всё же спросил: — А те сапоги, что мама мне сшила? — Чёрные замшевые.

— Они тоже в шкафу. — К счастью, Шунь-эр не был так сообразителен, не заподозрил ничего, и был занят только уборкой остатков еды. Скорбь ещё не утихла, и на его глазах висели жалкие слезинки. — Шунь-эр тоже скучает по госпоже, эх... но какой толк в одних воспоминаниях, поэтому я должен оправдать доверие — хорошо заботиться о молодом господине.

Линь Лан, услышав это, почувствовал тепло на душе:

— Хоть какая-то совесть есть, не зря я тебя баловал.

Это была обычная фраза, но Шунь-эр, услышав её, снова начал всхлипывать и плакать:

— Молодой господин, вы и госпожа спасли меня, дали мне еду, одежду и кров, избавили от скитаний. За вашу доброту Шунь-эр готов отплатить своей жизнью...

— Стой, стой, стой... — Линь Лан снова прервал импровизацию Шунь-эра, дважды прокашлялся и серьёзно сказал: — Так вот, у молодого господина есть к тебе одна просьба.

Рука, собиравшая тарелки, внезапно дёрнулась, и палочки упали на пол. Чудак повернул голову, румяна на его лице стали ещё гуще. Он едва сдерживал волнение от ложных ожиданий, и даже его голос задрожал:

— ...Что, что за просьба...

Линь Лан догадался, что этот парень снова нафантазировал в голове какую-то невообразимую любовную историю. Он схватил со стола веер и сильно стукнул Шунь-эра по голове:

— О чём ты думаешь! Я хочу, чтобы ты вёл себя прилично и больше не злил господина! Вдруг он выгонит тебя из усадьбы, я не смогу тебя защитить! — И ещё: присмотри за... господином.

Шунь-эр смутно почувствовал неладное, но не смог понять, в чём дело, и только растерянно согласился:

— Это само собой...

— Ладно, выходи, я хочу спать...

На следующий день, проснувшись, Шунь-эр наконец понял смысл «просьбы» Линь Лана.

Он вскочил с кровати, даже не успев нанести румяна, и бросился в спальню Линь Лана. После осмотра комнаты, он упал во дворе и громко зарыдал.

— А-а-а — молодой господин сбежал из усадьбы Линь!

Двадцать восьмое число девятого месяца.

Рабочий день закончился примерно в конце часа Юй. Поздоровавшись с уличными торговцами, с которыми он уже сроднился, Тан Юйшу прикрыл ворота усадьбы и, направляясь в западный флигель, где он жил, стал снимать свою тонкую рубаху.

Он целый день таскал грузы, целый день потел, и Тан Юйшу чувствовал, что от него несёт.

Внезапно вспомнив, что вчера нашёл за домом большой деревянный чан высотой в полчеловека, он не стал долго думать — прикатил его во двор, нагрел два чана горячей воды, сорвал около десятка плодов мыльного дерева и с комфортом стал принимать ванну, наслаждаясь красивым закатом над Чэньтанем.

— Потрясающе.

Он произнёс это вслух, но на сердце было пусто — в такой большой усадьбе он жил совершенно один.

— Но ведь всё наладится, правда... — пробормотал Тан Юйшу.

Он переехал в Чэньтань уже более двадцати дней назад.

Хотя он не понимал местного диалекта, но благодаря своей простой и честной натуре постепенно влился в местное сообщество. Он нашёл работу грузчика в порту, что обеспечивало его пропитанием. В свободное время он помогал одиноким старикам-соседям тяжёлой физической работой, а детям рассказывал о своих героических подвигах на поле боя в былые годы... В целом, жизнь начала налаживаться.

Что же касается того, как жить дальше... Тан Юйшу никогда не осмеливался вдаваться в подробности.

— Будем действовать по обстоятельствам... — пробормотал Тан Юйшу.

Заходящее солнце просачивалось сквозь щель в воротах усадьбы тонкой золотой линией, падая ему на лицо. Он закрыл глаза и ощутил нежность этой яркой полосы света.

Вся усталость ушла, испаряясь в горячей воде чана. В полудрёме он услышал «скрип», и тонкая линия света, осевшая на его веках, внезапно превратилась в ослепительно яркое пятно.

Сонный Тан Юйшу открыл затуманенные глаза и, не долго думая, повернулся к источнику звука. Он увидел благородного юношу в длинном алом парчовом халате и чёрных замшевых сапогах, стоящего в распахнутых воротах усадьбы.

Поздний вечерний ветер пронёсся через ворота, развевая две пряди «усов дракона» на лбу юноши, открыв его холодное и надменное лицо.

В его душе невольно зародилось слово «красавец», но оно было быстро подавлено внезапно проснувшимся сознанием, прежде чем успело вырваться наружу. Полностью очнувшийся Тан Юйшу быстро встал из деревянного чана, хлопнул себя по голове и громко крикнул незваному гостю:

— Ты кто такой?! — Крик красно одетого юноши прозвучал на мгновение раньше.

— Почему ты вторгся в мой дом? — На этот раз их вопросы совпали.

— Это мой дом! — На этот раз тоже.

— Не повторяй за мной! — И на этот раз тоже.

Затем наступила долгая тишина.

И десятки взглядов торговцев, собравшихся за юношей в парчовой одежде, вместе с ещё одним порывом вечернего ветра пронеслись через большие ворота, из-за чего внизу живота стало ледяно холодно.

Тан Юйшу вздрогнул и быстро сел обратно в чан с водой.

Этой ночью двери уездного суда Чэньтаня, который не работал уже более десяти лет, были открыты Тан Юйшу и Линь Ланом.

—